

№ 69

**Записка Генерального директора виробничого
об'єднання «Комбінат» Є. Ігнатенка начальнику відділу
УКДБ УРСР по м. Києву та Київській області
по ЧАЕС О. Миргородському про висвітлення у засобах
масової інформації відомостей стосовно аварії на ЧАЕС
та ліквідації її наслідків**

17 вересня 1987 р.

**МИНИСТЕРСТВО АТОМНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ СССР
ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ
КОМБИНАТ**

17.09.87 г. № 646с

Начальнику Отдела УКГБ УССР по ЧАЭС
тов. Миргородскому А.Н.
гор. Чернобыль

Направляю Вам записку Отдела информации и международных связей
ПО «Комбинат» об отражении аварии на Чернобыльской АЭС и ликвидации
ее последствий средствами массовой информации.

ПРИЛОЖЕНИЕ: уч. 628с на 33 листах, секретно, экз. № 6, только в адрес.

Генеральный директор

[Підпис]

Е.И. Игнатенко

Уч. 646с
отп. 2 экз.
исп. и отп б/ч
Чернов. 29.08.87 г.

ОТРАЖЕНИЕ АВАРИИ НА ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ АЭС И ЛИКВИДАЦИИ ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЙ СРЕДСТВАМИ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Настоящая записка подготовлена Отделом информации и международных связей (далее ОИиМС) производственного объединения «Комбинат» Минатомэнерго СССР на базе обобщения материалов советских и иностранных корреспондентов, а также анализа отчетов ОИиМС за 1987 год. Данный документ не претендует на исчерпывающее освещение всех материалов о Чернобыле, появившихся со времени аварии в советских и зарубежных средствах массовой информации, однако количество обобщенных публикаций позволяет говорить о вполне приемлемой репрезентативности.

Зарубежная печать

Восприятие иностранными корреспондентами событий в Чернобыле последовательно изменилось. Определяющими здесь стали даты: 24 апреля 1987 года и 1 июня 1987 года, которые делят весь период после аварии на три временных отрезка.

Первый — с 26 апреля 1986 года по 24 апреля 1987 года — можно назвать периодом острого дефицита информации или «периодом домыслов». В это время советская печать публиковала в основном статьи о героических буднях Чернобыля, о ликвидации последствий аварии, замалчивая ее масштабы, поначалу не анализируя причин, не касаясь вопросов эвакуации и расселения людей, будущего АЭС и территории вокруг нее. Нередко опубликованная информация в первые недели после аварии носила противоречивый характер, так как была получена у руководителей разных рангов, порой не заботившихся об ее объективности и достоверности. Иностранным корреспондентам въезд на территорию 30-километровой зоны был запрещен.

Зарубежная пресса этого периода о чернобыльских событиях характеризуется абсурдными измышлениями о «конце ядерной мечты» человечества, прогнозами смерти в ближайшем будущем половины населения г. Припяти, гибели всех малых городов и деревень на Украине и в Белоруссии, постепенном вымирании Киева. В качестве примеров приведем тенденциозную, направленную на разжигание антисоветских настроений, статью «Катастрофа в Чернобыле» в лондонском журнале «Экономист» за 3–9 мая, публикации с характерными названиями: «Радиоактивное облако над Киевом» (Р. Уэбстер и Л. Брэнсон, «Санди Таймс», Лондон, 11.05.1986). «Советы нарушили молчание — но опасность все время возрастает» (М. Д'Анастасио, «Бизнес Уик», Нью-Йорк, 19.05.86). Западные средства массовой информации печатали многочисленные предупреждения населению о содержании радионуклидов в продуктах

питания, прогнозы роста заболеваемости раком и лейкемией. Вот что писал об этом некоторое время спустя Т. Дэвис в статье «Чернобыль: как отреагировала Европа» («Таймс», Лондон, 22.04.87): «Ни одно событие после Второй мировой войны не затронуло жизни стольких людей в Европе, как взрыв 4 блока Чернобыльского реактора, происшедший в 1 час 23 минуты 26-го апреля 1986 года. Это побудило правительства предостерегать и часто ввергать в панику население в течение многих недель после самой серьезной в мире ядерной катастрофы». Далее газета напечатала графики и диаграммы, которые «иллюстрируют различные меры, принимавшиеся странами ЕЭС в связи с распространением радиации из Чернобыля и показывает, когда они принимались». Из таблиц выясняется, что, скажем, в Западной Германии, Италии и Франции, которые названы «наиболее пострадавшими территориями», в апреле-мае 1986 года были введены запреты на торговлю определенными продуктами и их импорт из Восточной Европы, на выпас скота, звучали официальные предупреждения населению: не употреблять свежее молоко и овощи, стараться не попадать под дождь и т. д.

Материалы о возможном влиянии аварии на здоровье людей публиковались с минимальными научными обоснованиями. Так, биофизик Ливерморской национальной лаборатории им. Лоуренса д-р Анспо из Калифорнии в докладе на симпозиуме Американского ядерного Общества 17 сентября 1986 года представил вызвавшие серьезное беспокойство расчеты долгосрочных выпадений от Чернобыля. Средства массовой информации подхватили эти цифры и популяризировали их до тех пор, пока д-р Анспо через некоторое время не признал, что в его докладе были использованы ошибочные данные...

В этот период самым частым упреком, содержащимся в каждой зарубежной публикации, высказываемым почти в каждой беседе специалистов, был упрек в недостаточности информации о чернобыльской аварии, замалчивании текущих событий, в запрещении посещения 30-километровой зоны иностранными корреспондентами. Английский журналист К. Уокер из «Таймс», побывавший в зоне позже, пишет об этом времени: «Молчание и отсутствие объективной и точной научной оценки в (советской — прим. ред.) прессе не только противоречит курсу гласности, но и является очень вредным» — здесь и далее он цитирует высказывание московского профессора В. Книжникова, осудившего «утаивание официальной информации как одну из главных причин паники» («Таймс», Лондон, 18.05.87).

Обвинение СССР в замалчивании информации звучало со страниц множества западных газет и журналов. Например: Х. Эванс «Высокая плата за секретность» в журнале «Ю.С.Ньюс энд Уорлд Репорт», Вашингтон, 12.05.86; «Советская ядерная катастрофа» (Интернэшнл Геральд Трибюн», Гаага, 5.05.86) — в этой статье приведена карта распространения радиации на территорию СССР и Европы и подробные сведения о ее уровнях во многих пострадавших странах; М. Сорилл «Анатомия катастрофы» (Тайм, Амстердам, 1.09.86) — здесь СССР обвиняется в искажении информации, процитиро-

ван официальный доклад МАГАТЭ; и многие другие материалы. Все говорят о нормализации положения, но до сих пор ни одному западному корреспонденту МИД СССР не разрешил посетить аварийную зону, обещая сделать это «где-то после июня...» — писал М.Р. Дедерикс в западногерманском журнале «Штерн» №18, 1987. Действительно, до июня 1987 года зону в основном посещали зарубежные специалисты-атомщики, политические деятели и лидеры общественных организаций.

22 апреля 1987 года в МИД УССР состоялась пресс-конференция начальника ОИиМС ПО «Комбинат» с представителями западных средств массовой информации: телекомпанией «АРД», ФРГ; газетой «НРК Хандельсблад», Нидерланды; газетой «Эль Паис», Испания. К этому времени Отдел, созданный в конце февраля 1987 года, уже накопил некоторый опыт проведения бесед с иностранцами о чернобыльских событиях. На пресс-конференции иностранные корреспонденты узнали о деятельности ПО «Комбинат» в 30-ти километровой зоне, результатах дезактивации и состоянии дозиметрического контроля.

А через день, 24 апреля 1987 года, совместно с МИД СССР был проведен телефонный мост Чернобыль — средства массовой информации западных стран. В нем приняли участие агентства «Рейтер», «Франс Пресс», «ЮПИ», «Ассошиэйтед Пресс», «Юнайтед Пресс», «Канадское радио», Норвежское радио и телевидение, Финское радио, Шведское радио, Испанское национальное радио, радио ФРГ и др.

С этих дат начинается второй период отражения обстановки в Чернобыле. Его можно назвать «периодом форсированного освещения событий». Уже во время телефонного моста журналисты заявили, что в результате проведенных в апреле пресс-конференций в Москве и Киеве они получили некоторое количество информации о Чернобыле. Вопросы во время телефонного моста носили более конкретный, часто уточняющий характер, например: сколько людей работало на ЧАЭС до аварии, сколько работает сейчас, какие меры приняты по обеспечению большей безопасности реакторов, сколько человек вернулось в зону после эвакуации, сколько населенных пунктов никогда больше не будут заселены.

Готовясь к годовщине аварии в Чернобыле, советские органы печати планировали большие обзоры под общим названием «Год после аварии». Полностью укомплектованный к этому времени Отдел информации и международных связей подготовил свой обзор для советских и иностранных журналистов «Чернобыль: год спустя после аварии», выделив более ста типичных вопросов корреспондентов, и начал собирать материалы для книги под условным названием «100 вопросов и ответов о Чернобыле». Наиболее актуальные вопросы этого периода: о разnose «грязи», о паводке, о вероятности повторения аварии, о деятельности ПО «Комбинат» сроках пуска 3, 5, и 6 блоков.

В апреле 1987 года в передаче украинского телевидения «Актуальная камера», а затем в радиопередачах для зарубежных стран была передана информа-

ция о «Прямом проводе» ОИиМС в г. Чернобыль — дежурном телефоне, набрав номер которого, можно было непосредственно с места событий получить сведения об аварии, о ходе работ по ликвидации ее последствий и радиационной обстановке. Та же информация была передана всем корреспондентам, посетившим в это время 30-ти километровую зону. Представившейся возможностью воспользовались многие зарубежные журналисты, а также граждане Советского Союза и других стран.

Зная о нелепых слухах, распространяемых в Москве, Отдел в апреле предложил Политехническому музею г. Москвы провести лекцию-беседу о событиях и уроках Чернобыля для того, чтобы люди имели возможность услышать правдивую информацию об обстановке в зоне. Планировалось пригласить на беседу и иностранных корреспондентов, аккредитованных в Москве. Однако руководители музея не проявили заинтересованности в организации встречи, и в результате она не состоялась.

В мае в Гостелерадио СССР обратился Пятый канал Французского телевидения с предложением Чернобыльской АЭС принять участие в прямой передаче вместе с атомными станциями Три-Майлз-Айленд (США), и Шинон (Франция). В ходе трансляции французская сторона хотела обсудить вопросы возникновения аварий, возможностей контроля за ними, охраны окружающей среды. Минатомэнерго СССР выразило согласие и готовность к проведению такой встречи. Однако Гостелерадио Украины не нашло возможностей для организации телемоста и сообщило, что «не располагает необходимыми техническими средствами».

Третий период освещения обстановки в Чернобыле начинается 1 июня 1987 года, когда иностранные корреспонденты, аккредитованные при МИД СССР, получили возможность посетить 30-километровую зону. С мая по июль здесь побывало 73 корреспондента из 26 стран мира (всего с декабря прошлого года — 119 иностранных граждан). Этот период характеризуется стремительным ростом доверия гостей, доброжелательности, понимания наших проблем. Его можно назвать «периодом высокой активности и доверия». Следует отметить исключительно сдержанную позицию американцев и французов, особенно специалистов, относительно Чернобыльской аварии и комментариев к ней.

К этому времени Отдел информации и международных связей напечатал «гостевые карточки», обеспечивающие обратную связь — возможность получать публикации иностранных корреспондентов, побывавших в зоне. Кроме того, были детально разработаны маршруты по 30-километровой зоне, и в результате журналисты получили возможность выбирать объекты посещения и съемок «сами», как им казалось. Естественно, все это сразу же отразилось на характере публикаций. В некоторых статьях прямо говорится, что никаких ограничений при получении информации в зоне не было, а передвижение ограничено минимально, только в целях безопасности гостей. «В 300 метрах от бетонного саркофага, возведенного над поврежденным реактором, радиоактивность не превышает всего лишь 16 миллирад в час, что позволило фран-

цузской делегации сфотографироваться при полном параде на фоне руин ректора», — пишет, например, Ж.-Ф. Ожеро в статье «Жизнь в Чернобыле контролируется» («Монд», Париж, июнь 1987 г.).

Большинство материалов, опубликованных за этот период западной прессой, носят объективный, непредвзятый характер. Многие журналисты с пониманием и сочувствием отнеслись к беде советского народа, даже приняли его близко к сердцу. Среди них — член ЦК Коммунистической партии США Карл Блойс (его статья «А в следующем году — цветы» была опубликована в газете «Пиплз Дейли Уорлд» 4.05.87), Уильям Дж. Итон («Припять — первый город призрака атомного века», «Лос-Анджелес Таймс», Лос-Анджелес, июль 1987 г.) и другие. В частности, К. Блойс, посетивший зону 29 апреля, пишет: «То, что происходит здесь — это одновременно и несчастье, и урок. Это красноречиво говорит об умении, героизме, о мужчинах и женщинах, которым брошен вызов на новых рубежах — вызов, с которым они никогда прежде не сталкивались». А Фред Вир, член ЦК Коммунистической партии Канады, побывавший в Чернобыле в тот же день, посвятил ему настолько прочувствованную статью, что она напоминает главу из книги. В конце автор делает следующий вывод: «Год спустя после трагедии все те, кто покинул свои места, получили дома и работу. В соответствии с медицинской программой, беспрецедентной по масштабам, все они находятся под пристальным наблюдением. И так будут долгие последующие годы. Размах, с которым советское общество оказалось способным мобилизовать и ресурсы, и скоординировать усилия, изумил многих за его пределами» («Канадиен трибюн» 4.05.87).

Многие журналисты заняли нейтральную позицию по отношению к чернобыльским событиям. Как правило, в их статьях содержится критика по поводу «отсутствия и замалчивания информации». «Больше года прошло после катастрофы на атомной станции в Чернобыле. И вот, наконец, советские инстанции впервые допустили иностранных корреспондентов, представителей средств массовой информации на место работ, ведущихся по ликвидации последствий аварии... И все же значение радиоактивного заражения по воде, земле и воздуху не называются в открытой печати. До сих пор поэтому жители из Киева едут за сотни километров в другие области Украины за продуктами. Родители все еще не пускают своих детей играть на свежем воздухе. Многие избегают выездов на природу, хотя уже давно сняты все запреты. Люди просто совершенно не верят в успокоительные заявления официальных инстанций», — утверждает Эльфия Зигль, посетившая зону 21 июня, в статье «Селения с призраками вокруг Чернобыля» («Тагес анцайгер Цюрих», Швейцария, 23.06.87). Подобного же мнения придерживается Пилар Бонет («Чернобыль, год спустя», «Эль Паис», Испания), Стивен Страссер («В мрачной тени Чернобыля», «Ньюсуик», США, 29.06.87), Солестин Болен («Чернобыль пребывает в спокойствии», «Интернэшнл Геральд Трибюн», США, 06.87).

Часто авторы статей объективно указывают на недостаточность у советских граждан информации о Чернобыле, в особенности, о суде над бывшими

руководителями ЧАЭС. Надо отметить, что западные журналисты были недовольны тем, что их допустили лишь на открытие и заключительное заседание. В статье «Чернобыль предстал перед судом» Джон Гринвальд отмечает, что посещение начала и конца судебного заседания явно недостаточно для объективного отражения процесса в прессе. Далее он пишет: «Несмотря на гласность, советская общественность имеет ограниченное представление о том, что происходит на суде. В официальных отчетах лишь подчеркивается, что в следственном заключении в качестве причины аварии называется грубое нарушение правил безопасности. Ежевечерняя программ «Время» в течение только нескольких минут показывала день открытия суда без упоминания, что подсудимые отрицали некоторые обвинения» («Тайм», США, 20.07.87).

В прессе этого периода есть и статьи тенденциозного или открыто негативного характера. Их немного, и, вероятно, будет полезно остановиться на них подробно.

Например, материал «ЮПИ» за 23 июня 1987 года «Укрытый надгробием реактор в окружении городов-призраков», автор которого — Джеральд Надлер, посетивший зону 16 июня, содержит множество технических ошибок и искажений: «Показания прибора... в 380 м от замурованного под сталью реактора были до 4,6 миллирентген — в 460 раз больше нормального показателя для Москвы». «Двести датчиков, помещенные в землю на 30-км вокруг или торчащие из окон, передают данные о радиации в центр Припяти каждые 30 секунд». «Около 20% территории вокруг Чернобыля все еще являются «горячими полями», или зонами с высокой активностью, — 200, 300 и 500 рентген...». Дж. Надлер еще раз приезжал в Чернобыль 29 июня, и в беседе ему было указано на ошибки и неверное цитирование высказываний советских собеседников. Корреспондент согласился со всеми замечаниями и объяснил, что он подал информацию верно, но редактор умышленно исказил ее. Несмотря на это, статья заключается выводом: «В стране, никогда не желавшей сообщать о происходящих в ней авиакатастрофах, даже политика гласности или открытости, начало которой положил советский лидер Михаил Горбачев, с некоторым опозданием коснулась катастрофы на чернобыльском реакторе. Три дня прошло до первого признания аварии. Но начиная с первой годовщины «Комбинат» и Министерство иностранных дел организовали поездки иностранных журналистов непосредственно на станцию, включая помещение блочного щита управления.

Телефонная «горячая линия» была организована, чтобы советские граждане могли получить информацию о Чернобыле. В Москве ставится критическая пьеса «Саркофаг».

В Киеве в кинотеатре был показан противоречивый фильм «Чернобыль, хроника двух недель»². После кадров, показывающих борьбу в самом пекле и

² Йдеться про український документальний фільм режисера Володимира Шевченка «Чернобыль — хроніка важких тижнів», відзнятий 1986 року.

эвакуацию, можно было видеть, как два партийных деятеля были названы трусами. Но пока там решают, насколько можно осуждать прошлое, Советы смотрят в будущее...».

Серию негативных статей о Чернобыле и 30-километровой зоне опубликовал Кристофер Уокер из «Таймс», используя при этом инсинуации и вымысел. Он посетил зону 6 июня 1987 года. Мы уже упоминали это имя в связи с некоторыми его верными высказываниями, однако они не уменьшают тенденциозности таких статей, как «Советская война на истощение на Чернобыльском фронте» (10.06.87), «Чернобыль, где деньги не имеют хождения» (11.06.87), «Россия говорит правду о размерах чернобыльской паники» (18.06.87). Приведем некоторые цитаты: «В помещении щита управления одного из двух действующих реакторов вдруг стало возможным уловить такую же ситуацию, какая сложилась в первые часы 26 апреля в похожем помещении неподалеку отсюда. И хотя с тех пор были введены новые, более жесткие правила безопасности, я был удивлен проявленной беспечностью...». «Храбрость отдельных людей дополняется духом фатализма с примесью чистого маразма». «Нам и советские эмигранты, рассеянные после революции 1917 года, большинство эвакуированных из Чернобыля проводят долгие часы в мечтах о том, что они наконец вернуться в свои дома...». «Безобразный, из сборных конструкций, поселок Зеленый Мыс в 24 милях от Чернобыльской станции — это любопытный гибрид лагеря военного времени и убежища на выходные дни».

Эволюцию взглядов на аварию и ее последствия можно проследить по статьям корреспондента журнала «Штерн» Марио-Рене Дедерикса, аккредитованного в Москве при МИД СССР.

В 1986 году после аварии Дедерикс в Москве подготовил три статьи для «Штерна»: «Самая большая авария» в № 20 за май, о событиях первых дней после аварии; «Протокол катастрофы» в № 25 за июль — здесь восстановлена хронология аварии; «Ракеты против дождевых облаков» в № 26 за июль о мерах по дезактивации окружающей местности. Эти статьи написаны с позиций озлобленного буржуа, неприятно потревоженного в своем беспроblemном существовании. Дедерикс тогда еще, естественно, не был в Чернобыле и не встречался с людьми, работавшими на ликвидации последствий аварии. 7 апреля 1987 года М. Дедерикс добился встречи с представителями ПО «Комбинат» в МИД УССР. Судя по отчету, эта встреча многое для него прояснила, а с другой стороны, она разожгла интерес журналиста к чернобыльским событиям. В журнале «Штерн» от 23.04.87 в статье «Нет ничего, что навредило бы народу» он пишет: «Радиофобия хуже чем последствия облучения. Такой страх перед облучением напрасно разжигала западная пресса, включая «Штерн», и даже собственная советская печать...». 5 июня Дедерикс сам в составе иностранной делегации посетил зону — и по его высказываниям можно предполагать, что в последующем он вряд ли будет пользоваться такими мрачными, черными красками для описания чернобыльской действительности, как в первых своих статьях.

Судя по письмам и высказываниям иностранных корреспондентов, общественных деятелей и рядовых граждан, интерес к событиям в Чернобыле не убывает. В последнее время в зарубежных газетах звучит мысль: «До конца нашего столетия случится еще одна тяжелая авария на одной из АЭС... Вероятней всего, главный урок Чернобыля состоит в том, что аварии не признают государственных границ» (Ш. Бэгли, Дж. Барнатан, С.Е. Кейтц, Э. Нагорский, Л. Райт «Уроки Чернобыля», «Ньюсуик», США, 27.04.87).

Подводя итог анализу зарубежной прессы, можно полностью привести статью международной газеты «Алердинг Трибьюн» «Чернобыль и пресса», опубликованную в ноябре 1986 года:

«Много уроков может извлечь пресса Востока и Запада из Чернобыльской катастрофы и ее масштабов. Одно совершенно очевидно: «Информационный вакуум быстро наполняется сенсационными сообщениями», как отметил один из советских представителей на конференции газеты в Нью-Йорке. Советские представители прибыли в США через два дня после аварии без малейшего понятия о том, что произошло в Чернобыле. В открытых дискуссиях и частных беседах с ведущими американскими журналистами они начали понимать, насколько опасна машина, которая пришла в движение в результате того, что из Москвы исходила только сжатая и запоздалая официальная информация. Возникшее капитальное недоверие к советской информационной политике возродило открытое недоверие ко всей советской политике. Если Советы были так скрытны во всем, что касалось аварии, по отношению к своему народу и своим соседям, можно ли верить им на переговорах по ядерным вооружениям? Но все-таки в Москве нашлись люди, которые осознали огромный вред такой информационной политики как для международных отношений, так и для населения своей страны. Материалы об утонувшем корабле в Черном море, о пропавшей атомной подводной лодке, об угоне самолета в Сибири были впервые официально опубликованы в советской прессе, которая до этих пор не печатала плохих новостей подобного рода, а советские слушатели черпали информацию из иностранных радиопередач. Вот, кажется, извлечен первый урок.

Ведущие западные журналисты пытаются выяснить другой вопрос: как трактовать масштабы аварии, если трудно получить достоверные сведения, и как нужно информировать население, чтобы не создавать испуга и паники? Делая сенсацию из подобной аварии, можно нанести больше ущерба, чем произвела бы и более крупная катастрофа. Издатели и журналисты должны серьезно заинтересоваться, как избежать публикаций необоснованных сплетен, кричащих о тысячах погибших в Чернобыле? Нелегко ответить на этот вопрос, но часть ответа должна быть найдена в открытой информации, выдаваемой правительством в случае подобных аварий, и уважении к общественности, которая вполне справедливо желает все знать.

Третий урок выплывает из анализа масштабов аварии и публикаций о ней в американской прессе. Даже серьезные журналисты склонны стать на путь ста-

рых отношений недоверия и холодной войны... После аварии на Три-Майлз-Айленд советская пресса комментировала: это может произойти только при капитализме, где прибыль — это все, а меры безопасности ничего не стоят. Западные читатели восприняли это как старую избитую фразу. После Чернобыля западные журналисты использовали такую же избитую фразу — «это может произойти только при коммунизме». Такие комментарии, придирчивые суждения, часто сделанные под нажимом политической обстановки, не основанные на фактическом знании ситуации в другой стране, да и в своей тоже, затуманивают читательское восприятие, неверно ориентируют общественное мнение и тем самым укрепляют стену недоверия и непонимания. В этом, думается, лежит урок-предупреждение, который журналисты могут извлечь из Чернобыльских событий».

Зарубежное телевидение

К началу августа 1987 года 30-километровую зону посетили 14 ведущих телекомпаний из различных стран мира. ОИиМС получил по каналам обратной связи 6 видеорепортажей.

Первая, тридцатиминутная лента о Чернобыле сделана в феврале этого года группой итальянского телевидения (5-й канал) в составе: Джиджи Монкальво — руководитель, Р. Гаспаротти — оператор, Т. Марцулло, П. Гатти — ассистенты оператора. Фильм построен как разговор комментатора итальянского телевидения Я. Гавровски с телезрителем. Комментатор пытается объективно разобраться в причинах аварии на ЧАЭС и ее возможных последствиях. Информация подтверждается видеосюжетами, отснятыми итальянской группой и подобранными из советских фильмов о Чернобыле. Авторы ленты подчеркивают: авария не приобрела более широких масштабов благодаря мужеству советских людей, которые полностью исполнили свой долг. Особое внимание уделяется проблемам долгосрочных последствий воздействия радиации на здоровье людей, на деторождаемость. Материалов, подобранных тенденциозно или поданных необъективно, в фильме нет. Его можно назвать аналитически-видовым или «фильмом иллюстративного анализа».

Шестиминутный репортаж телекомпании «АРД» из ФРГ был снят в апреле 1987 года, руководитель группы — Петер Бауер. 30-километровую зону группа не посещала, поэтому материалы о ней — из советского кинофильма «Два цвета времени»³. П. Бауэр брал интервью об аварии у прохожих на улицах Киева, явно стараясь спровоцировать их на отрицательные эмоции и негативные оценки. Однако это ему не удалось. Группа Бауера снимала и пресс-конференцию начальника ОИиМС в МИД УССР 22 апреля с корреспондентами западных газет. Хотя конференция продолжалась около полутора часов, ни один кадр о ней не вошел в репортаж. Из этого следует вывод, что Бауера мало

³ Йдеться про документальну кінотрилогію студії «Укртелефільм», відзнятий в 1986–1988 рр. під час ліквідації наслідків аварії на ЧАЕС. Творці фільму в 1989 р. стали лауреатами Національної премії України ім. Т. Шевченка.

интересовала объективная информация, хотя в целом репортаж сделан на высоком профессиональном уровне.

Девятиминутная лента телекомпании Си-Би-Эс (США) снималась тоже в апреле, в группе — Вайят Эндрюс, руководитель Московского бюро; Д. Ритчи, оператор; К. Роучал, звукооператор. Видеоряд фильма создан при помощи контаминации и противопоставления контрастирующих сюжетов. Дело в том, что часть ленты была отснята в 30-километровой зоне и в Киеве, а часть — в Италии. И если кадры, снятые на советской территории, и комментарии к ним не выходят за рамки объективной информации, то итальянские сюжеты и принцип их подачи придают всей ленте некую «античернобыльскую» направленность. Это — демонстрация сторонников запрещения ядерной энергетики, рассказ хозяина итальянской фермы о больших убытках, которые он терпит в результате Чернобыльской аварии из-за того, что люди отказываются покупать у него сильно, якобы, загрязненные овощи и молоко... В результате создается двусмысленность, ставится под сомнение объективность информации о Чернобыле, полученной из официальных советских источников.

Репортаж телекомпании Си-Си-Эн продолжительностью 5 минут был снят также в апреле 1987 года. Состав группы: Стюарт Лури — руководитель Московского бюро, Виктор Кубрик — звукооператор. Здесь информация подается объективно, в том виде, в каком она была предоставлена телекомпании. Однако автор репортажа склонен и к некоторым «ужасным» эффектам. Это ярко выражено в кадрах, посвященных городу Припять: эхо голоса С. Лури в покинутом городе-призраке, висящее на балконах нижнее белье — видимо, все это, по замыслу автора, должно говорить о панике, царившей во время эвакуации жителей. Вместе с тем С. Лури говорит, что приблизительно так будут выглядеть города после применения нейтронного оружия, предупреждая об опасности гонки вооружений.

Обращение к кадрам нижнего белья на балконах, сушеной прошлойгодней рыбы, показ открытых окон, иногда с разбитыми стеклами, характерен и для тринадцатиминутного репортажа Австрийского радио и телевидения, руководитель группы — Франц Кеслер. Снимая репортаж в июне этого года, автор попытался объективно и полно отразить события, происходящие в 30-километровой зоне. Как человек, побывавший в зоне и увидевший объемы проделанных по ЛПА работ, он не может отрицать убедительных фактов, подает их честно, с уважением. Но вместе с тем, Ф. Кеслер в нескольких эпизодах подвергает сомнению официальную информацию. Например, комментируя кадры о пресс-конференции и высказывания о необоснованности выводов доктора Койла в области влияния на наследственность. Ф. Кеслер подчеркнул, что это только официальная точка зрения советских врачей, и время покажет, насколько она верна.

Следует отметить, что для репортажей Си-Би-Эс, Си-Эн-Эн и АРД характерны поиски признаков радиофобии у населения (вопросы и интервью на улицах, на рынке в Киеве и т. д.). Однако, судя по ответам, обнаружить ее не удалось.

Во всех репортажах присутствуют кадры о жизни эвакуированного населения в специально построенных деревнях, подчеркивается оперативность властей в обеспечении жильем эвакуированного населения. Тем не менее в этих сюжетах показаны в основном старики и инвалиды, которые с ностальгией говорят о покинутых родных местах.

В видеосюжете Отдела находится и репортаж японской телекомпании «Асаки», который в данный момент невозможно проанализировать по техническим причинам.

В ближайшее время по каналам обратной связи в ОИиМС должны поступить видеоматериалы телекомпаний: Си-Би-Си (Канада, руководитель группы М. Макайвор), Эн-Би-Си (США, руководитель К. Чилмор), «Антилопа» (Великобритания, руководитель Д. Барне), Эн-Эйч-Кей (Япония, руководитель К. Кобояси), ЦДФ (ФРГ, руководитель И. Хольдт), а также телевидение Италии (руководитель группы С. Дзавелли), телевидение ЧССР (руководитель В. Лабула), и РТВ Финляндии (руководитель Ю. Лянеинуро).

В ОИиМС поступает много писем и телефонных звонков с просьбой помочь в организации посещения 30-километровой зоны. Вероятно, было бы целесообразным удовлетворить интерес зарубежных телекомпаний.

Вместе с иностранными корреспондентами и специалистами 30-километровую зону посетили 36 сопровождающих из различных советских организаций и 13 переводчиков.

Их работу, как правило, отличала высокая профессиональная культура, уважение к людям, работающим на ликвидации последствий аварии, дисциплинированность и соблюдение всех правил поведения и передвижения в зоне. Особенно следует отметить большую организационную и методическую помощь, которую оказал нам Отдел печати МИД УССР, а в частности, начальник Отдела В.Л. Черный, и второй секретарь А.И. Веселовский.

К сожалению, этого нельзя сказать о заведующем сектором западных корреспондентов Управления информации МИД СССР Л.П. Паузине, сопровождавшем группу иностранных корреспондентов 7 июля 1987 года. В день одного из самых ответственных приемов — открытия судебного заседания в г. Чернобыль — т. Паузин своим нетактичным поведением, высокомерием и амбициозностью осложнил работу сотрудников ОИиМС, внес явно ненужную нервозность, заострял внимание иностранцев в нежелательном направлении.

Среди посетивших зону переводчиков наиболее квалифицированным был, думается, С.А. Григорьев (прием корреспондентов из США и Канады 28–29 апреля 1987 г.). Его безупречное знание английского языка и мастерство синхронного перевода, выдержанность, умение быстро и правильно оценить ситуацию, найти верный тон при общении помогали создавать непринужденную, доверительную обстановку при беседах.

Некоторые замечания можно высказать относительно переводческой деятельности Е.А. Аполоны (прием группы иностранных корреспондентов 18 июня 1987 г.) и А.А. Гаевой (прием группы иностранных корреспон-

дентов 18 июня 1987 г.). Переводчицы не владели терминами атомной энергетики, не имели представления о текущих чернобыльских событиях даже по материалам советской печати. Это, естественно, затрудняло беседы и понимание, а в результате могло привести к искажениям информации в зарубежной прессе.

Советская печать

Авария на ЧАЭС, а затем работы по ее ликвидации не только высветили проблемы ядерной энергетики, но и показали как сильные, так и слабые стороны в работе печати.

В первое время некоторые центральные издания печатали материалы из района аварии почти ежедневно. С точки зрения количества информации было не так уж и мало. Но одного лишь объема недостаточно. Важно, чтобы эта информация отвечала на вопросы людей. Но далеко не на все вопросы наша печать сумела ответить и по сей день, когда с момента аварии прошло более пятнадцати месяцев. Именно это послужило почвой для рождения всевозможных слухов, а на Западе — для клеветнических измышлений.

Нельзя утверждать, что советская печать в целом не справилась с освещением событий на Чернобыльской АЭС. Есть примеры блестящей публицистики, мужественного поведения журналистов в опасной зоне. Но сегодня не менее важно сосредоточить внимание на недостатках, которые проявились при освещении событий в Чернобыле.

Ретроспективно публикации об аварии можно разделить на несколько этапов. Первый — с момента аварии до 6–7 мая 1986 года. Второй — с 7 мая до конца месяца. Третий — с июня до конца года. Четвертый — с января до июня 1987 года. Пятый — с июня по настоящее время.

В первом периоде публикации корреспондентов с места аварии вообще отсутствовали. Газеты печатали только официальные сообщения. Конечно, тогда еще были не ясны причины аварии, не выработана стратегия наступления на вышедший из-под контроля реактор. Но о том, что происходит в зоне аварии — ее масштабах, героизме людей, работе партийных комитетов, эвакуации населения из 30-километровой зоны — необходимо было рассказать, как говорится, по горячим следам. И не только журналистов нужно винить в запоздалой информации. Год спустя в статье, которая так и называется «Чернобыль. Год спустя». А. Пральников и В. Колинко справедливо пишут: «Получать информацию иногда стало сложнее. Чаще мелькает формулировка: «Это — не для прессы». Почему не для нашей прессы то, что регулярно сообщается в МАГАТЭ? Кому-то невдомек, что слухи и кривотолки рождают не сводки и цифры, а их отсутствие». («Московские новости», 26.04.87).

Второй этап освещения событий на ЧАЭС — с 7 мая до конца месяца. В основном, все публикации посвящены героизму людей, занятых на ЛПА. В первые семь-десять дней их авторы еще словно идут по следам событий: рассказы-

вают о подвиге пожарных, героизме многих рабочих и специалистов станции, партийных работников, об организации эвакуации населения. С середины месяца описание событий и сами события, так сказать, сближаются. Чувствуется, что журналисты становятся их очевидцами, репортерами с переднего края. Одними из самых заметных в мае стали публикации в «Известиях» А. Иллеша «Шеренга номер один» (19 мая) и в «Правде» В. Губарева и М. Ощинца «Райком работает круглые сутки» (12 мая). Подобные материалы, не скрывавшие горьких уроков тех дней, безусловно, вызвали большее доверие читателей, нежели не критический подход при оценке событий, характерный для ряда газет. Например «Комсомольская правда», рассказывая в корреспонденции «Там, у четвертого блока» (15 мая, авторы Н. Долгополов, П. Положевец) о самоотверженных действиях работников АЭС, неожиданно отнесла к подлинным ее героям бывшего директора станции В. Брюханова.

Не раз подводило журналистов «Комсомольской правды» стремление написать «по красивее». Цитируем материал «Шагнули первыми» тех же авторов: «Пробуждалась нерадостная заря, а с ней — тяжеленные заботы. В горьком партии попросили: комсомольцы, придется засыпать реактор. Необходим песок. Найдите добровольцев.

Нужно было много песка. Высоченные горы песка. Необъятное море песка. Уговаривать никого не пришлось». В материале не нашлось места по меньшей мере пояснить, что в развал реактора мешки с песком сбрасывались с вертолетов, и у читателей, естественно, создается впечатление, будто комсомольцы лопатами сбрасывали песок прямо в реактор.

Газета «Труд» в эти дни ударились в другую крайность. Чуть ли не каждая публикация о Чернобыльской АЭС («Над «четвертым» и рядом» 25.05, «Надежные крылья» 14.05, «Мужество» 17.05, «Люди на посту» 12.06) рассказывала об участии в ЛПА только авиаторов, незаслуженно обходя представителей других профессий.

В майских публикациях прошлого года есть один негативный момент, который присущ, пожалуй, всем газетам. Это излишний оптимизм в оценке ближайших перспектив 30-километровой зоны. Не избежала его даже «Правда». В упоминавшемся уже материале «Райком работает круглые сутки» звучит, например, такое предположение: «Потом, когда жители Припяти вернутся домой и станция начнет нормально работать, выездная бригада «Правды» проведет читательскую пресс-конференцию». А. Иллеш в газете «Известия» 10 мая явно приукрасил положение дел, о чем говорит даже заголовок — «Положение нормализуется». В мажорных тонах написал репортаж «Диктуем из Чернобыля» («Комсомольская правда», 13.05.86). Авторы Н. Долгополов, П. Положевец используют вроде бы испытанный прием — берет интервью у начальника управления строительства ЧАЭС В.Т. Кизима: «Мы замуруем четвертый блок бетоном... Возьмемся и за город: проведем его дезактивацию. Чтобы жители могли вернуться в родные места. Мы задумываемся и о ведении работ по продолжению строительства пятого и шестого блоков». И это в то время, когда только шла

подготовка к возведению саркофага, вовсе не было известно, когда люди смогут вернуться в родные места, а о строительстве пятого и шестого блоков просто не могло быть и речи. В неловкое положение поставил и себя, и корреспондентов В.Т. Кизима, с одной стороны, давая нереальные прогнозы, а с другой, словно извиняясь за них: «Только не считайте меня оптимистичным до авантюризма...». А ведь в зоне в это время работали члены Правительственной комиссии, видные советские ученые, которые трезво оценивали ситуацию.

Иногда неплохой в целом материал подается под заголовком, не только извращающим его суть, но и наносящим душевные травмы десяткам тысяч людей, как, например, в «Правде» за 26 мая: «Соловьи над Припятью».

Аналитичность, критический подход при оценке первых успехов и нерешенных в 30-километровой зоне проблем начинают появляться лишь в третьем периоде — второй половине 1986 года. В это время все чаще звучит мысль, что уроки Чернобыля не заканчиваются вместе с полной дезактивацией зоны, до которой, кстати, тоже неблизко; поднимаются вопросы о будущем АЭС и эвакуированного населения. Однако, если в июне публикации с места аварии появляются довольно часто, то начиная с июля, центральная пресса печатает их две-три в месяц. В основном, это оперативные репортажи о сооружении саркофага, пуске первых энергоблоков, устройстве эвакуированных в местах переселения.

Репортажи и корреспонденции с площадок АЭС написаны в лучших традициях советской прессы. Но, отдавая должное героическому труду создателей саркофага, центральные газеты нередко по-разному называли одни и те же операции, конструкции, допустили разницей в цифрах.

Во втором полугодии 1986 года появились и первые публикации, в которых дается более предметный, детальный анализ причин чернобыльской трагедии. Как правило, это интервью с авторитетными людьми. Одно из первых такое интервью с заместителем председателя Государственного комитета по использованию атомной энергии СССР В. Семеновым поместила «Литературная газета» («Чернобыль: общая боль, общая надежда» 11.08.86). Академик В.А. Легасов дважды отвечал на вопросы корреспондента «Правды» В. Губарева («Боль и уроки Чернобыля» 2.08.86, «Сквозь призму Чернобыля» 5.09.86). Конкретным было и интервью с новым директором ЧАЭС Э. Поздышевым, напечатанное в «Правде» 10 октября.

Четвертый период — с января по май 1987 года — можно назвать «периодом затишья». Многие газеты словно забыли о случившейся в Чернобыле трагедии. Невольно создавалось впечатление, что все ошибки учтены, уроки извлечены. Трудно объяснить, почему это произошло. Как отмечал Ю. Щербак в статье «Чернобыль: знать и помнить» («Литературная газета» 8.07.87), надо сделать все возможное, чтобы не сработал период полураспада памяти, своего рода период полужабытия. Уроки Чернобыля не должны оставаться в архивах истории, в прошлом. Они жизненно важны и для построения нашего будущего.

На последнем, пятом этапе появились публикации, несколько расширившие черновобильскую тематику. «Советская Россия» в корреспонденции «Объявлена тревога...» 17 июня 1987 года рассказала о том, что выяснилось в результате учений по гражданской обороне, проведенных на Балаковской АЭС, когда сама авария на станции и радиационная зараженность были условными. Учения показали полную неготовность руководителей различных рангов и горожан к возможной аварии, благодушие, безграмотные действия тех, от кого зависела жизнь других людей. А ведь с момента аварии в Чернобыле прошло всего лишь чуть больше года. Газета делает вывод: мы не имеем права на забвение.

Более широким, чем в предыдущие периоды, подходом к проблемам ядерной энергетики отличаются два интервью: министра энергетики СССР Н.Ф. Луконина корреспонденту «Советской России» Л. Черненко (16 июня) и заместителя председателя Государственного комитета СССР по надзору за безопасным ведением работ в атомной энергетике Н.А. Штейнберга корреспонденту «Строительной газеты» («Безопасный атом», 7 июля). Среди многих вопросов — дефицит гласности в отношении качества работ и дисциплины в отраслях, связанных с развитием ядерной энергетики.

А. Иллеш и А. Пральников в книге «Репортаж из Чернобыля» утверждают, что урок чернобыльской трагедии будет исчерпывающим только при одном условии: если даже «невыгодная правда» вытеснит всякое умолчание, если информация не будет раскладываться по ранжирам, не будет делиться на правду для избранных и правду для всех. Это — программа для нашей прессы на будущее. Ведь даже сейчас, когда завершился суд над виновниками аварии на ЧАЭС, ни центральная, ни местная печать не спешат с публикациями на эту тему.

Проблемам Чернобыля уделяли внимание многие республиканские и областные газеты страны. В одних случаях они пользовались материалами АПН, в других публиковали репортажи своих корреспондентов, побывавших в 30-километровой зоне.

Например, газеты «Советская Белоруссия» и «Молодежь Азербайджана» напечатали обзорный материал корреспондента АПН М. Рыльского «Рабочий ритм Чернобыля» (соответственно 16 и 26 мая 1987 г.), в котором дана достаточно подробная и объективная картина хода работ по ЛПА, рассказывается о деятельности ПО «Комбинат». Газеты «Ленинское знамя» (Московская область) и «Вечерняя Москва» опубликовали материалы корреспондентов АПН о применении роботов на 3 и 4 блоках.

К сожалению, не все корреспонденты АПН дают достоверную информацию о Чернобыле. Нередко в погоне за сенсационностью они пишут прямо-таки нелепые вещи. Так случилось в статье О. Борисова «Здоровье Чернобыля поправляется», которую напечатала 2 июня газета «Комсомолец» (Армянская ССР). Автор утверждает, что слышал, как директор ЧАЭС М. Уманец «сказал тихо, со спокойной улыбкой: «Я купался в Припяти. Бассейн реки хорошо дезактивирован». Сказал, пожалуй, слишком тихо, но я сидел от него в двух ша-

гах и слышал это стеснительное (поверят ли?) признание отчетливо». В следующей фразе О. Борисов признается: «Поверить действительно нелегко». Остается добавить, что верить этим измышлениям просто нельзя.

Интересный очерк под заголовком «Командировка в Чернобыль» напечатала газета «Советская Литва» 1 мая. Его автор — редактор газеты «Энергетик» А.А. Полетаева — рассказала о работе в 30-километровой зоне специалистов с Игналинской АЭС. Настоящей творческой удачей можно считать статью «Совесть и мужество», напечатанную в «Ленинском знамени» 6 июня.

В украинской прессе, как и в центральной, можно проследить периодичность в полноте опубликованной информации. Сначала — только официальные сообщения. Полностью отсутствует конкретная информация. Именно на этот период приходится наибольшее количество домыслов и слухов. Появились признаки радиофобии у населения: отказ покупать продукты на рынке, желание уехать из районов, близких к месту аварии. В интервью «Рабочей газете» от 17 июня 1987 года академик Л.А. Ильин сказал: «Основой радиофобии, видимо, стал явный недостаток информации в первые дни после аварии, а затем шапкозакидательские оценки ситуации, которые иногда позволяли себе отдельные официальные лица и органы массовой информации. Имеет большое значение не только содержание выступлений, но и их общая тональность. Так, бодряческие интонации часто приносят эффект, обратный желаемому». Незнание реальной опасности привело к подрыву доверия и скептическому отношению к материалам прессы.

Тем не менее в украинской прессе быстрее произошла перестройка в области освещения чернобыльских событий. Раньше, чем в центральной печати, появились статьи, рисующие полную картину аварии. Освещению ситуации в зоне посвятили свои полосы все без исключения украинские газеты. Наиболее последовательными и постоянными были: «Правда Украины» (корр. А. Сокол), «Киевская правда» (спец. корр. Г. Пивоваров), «Радянська Україна», «Молодая гвардия» и некоторые другие.

После окончания строительства объекта «Укрытие» у населения появились первые признаки успокоения. Стабилизация обстановки вызвала наступление нового периода освещения чернобыльских событий в украинской прессе. В заголовках вместо возвышенных «подвигов» появились «трудовые будни», началось планомерное и последовательное освещение работ по ЛПА. Газеты стали больше интересоваться условиями труда и бытом работающих в зоне, судьбами конкретных людей. Появляются статьи, в которых ставятся проблемы возвращения 30-километровой зоны к жизни и обсуждаются перспективы развития атомной энергетики.

Чернобыльские события нашли отражение и в художественных произведениях. Пожалуй, наиболее значительное из них — документальная повесть Юрия Щербака «Чернобыль», опубликованная в шестом и седьмом номерах журнала «Юность» за 1987 год. Это яркий образец художественной публицистики периода гласности и перестройки, ведущей борьбу с привычными ста-

рыми представителями о безупречности нашей жизни и методов работы. Впервые после аварии появилась серьезная, глубокая публикация, в которой автор пытается охватить весь комплекс проблем Чернобыля, рассматривает и анализирует их объективно, вдумчиво, без бодряческих интонаций и «фигур умолчания». К сожалению, досадным недостатком повести стала не совсем верная интерпретация событий вокруг газеты «Трибуна энергетика» до аварии и отношений журналистки Л. Ковалевской с партийными органами. Журналистка представлена как правдоискательница, самоотверженная женщина, которая задолго до аварии боролась с недостатками на станции и фактически предсказала катастрофу. Этот образ не соответствует действительности, что вызывает справедливые упреки непосредственных участников событий.

Определенной вехой в театральной жизни страны стало в прошлом году появление на сценах пьесы Владимира Губарева «Саркофаг». Пьеса вызвала большой и закономерный интерес, так как драматург приехал в Чернобыль сразу после аварии и был очевидцем ее ликвидации буквально с первых дней. Однако, написанная в краткий строк, по «горячим следам» происшедшего, пьеса получилась недоработанной. В ней есть неточности, отсутствует анализ, а иногда и знание материала, не продумана до конца философская концепция. Скорее это — беглый поверхностный взгляд на Чернобыль 1986-го года, чем глубокое философское произведение о проблемах ядерной энергетики, на что претендует автор. И все-таки «Саркофаг» был первым художественным произведением о Чернобыле.

В следующей пьесе «Фантом» В. Губарев избежал многих недостатков, присущих «Саркофагу». Она вызывает одобрение и несомненный интерес у специалистов и участников ЛПА.

Основу документальной книги А. Иллеша и А. Пральникова «Репортаж из Чернобыля» составили личные наблюдения журналистов, проработавших в 30-километровой зоне полгода после аварии. В книгу вошли также записки очевидцев, комментарии, размышления, выводы советских и зарубежных ученых. Выйди эта книга в свет вовремя, в 1986 году — и она могла бы ликвидировать дефицит информации. К сожалению, «Репортаж из Чернобыля» был издан только в 1987 году и не сыграл той значительной роли в освещении событий, которая ему предназначалась.

Советское телевидение

На сегодняшний день в ОИИМС имеется около сорока репортажей, снятых корреспондентами Гостелерадио СССР в 30-километровой зоне и показанных в разное время на телеэкранах. Авторы большей части материалов — корреспонденты А. Макаренко, Г. Душейко, Писаревский, В. Ляскало.

Большинство материалов были подготовлены в течение 1986 года, начиная с первых дней после аварии. С настойчивостью и постоянством освещало все работы по ЛПА Гостелерадио УССР. Темы репортажей не ограничивают-

ся состоянием работ вокруг аварийного четвертого блока, а охватывают весь комплекс проблем 30-километровой зоны и борьбу за предотвращение выхода новых доз активности за ее пределы. Украинское телевидение создает телелетопись черновобильских событий, освещает ход ЛПА последовательно и непрерывно, чего нельзя сказать о Центральном телевидении.

ЦТ крайне неполно освещало комплекс работ, проводившихся в 30-километровой зоне, ограничиваясь, как правило, официальными сообщениями. Если на экране и появлялись кадры, рассказывавшие о конкретных фрагментах ЛПА, это был, в основном, материал, снятый телевидением Украины. Такую позицию вряд ли можно считать верной — ведь именно в это время вся страна ждала новых телефактов о Чернобыле.

С начала 1987 года интенсивность посещения зоны даже корреспондентами украинского телевидения заметно упала. Возможно, определяющими здесь стали две причины. Первая — это стабилизация обстановки в черновобильском регионе. Вторая — трудности на пути репортажей к экрану. По имеющимся сведениям, даже на Гостелерадио УССР корреспондентам все труднее добиться разрешения на выход материалов в эфир. Далеко не все кадры попадают на экран, из-за чего страдают полнота и качество информации. Множество интересных репортажей телезрители не увидели совсем.

О черновобильских событиях сняты четыре полнометражных документальных фильма: «Два цвета времени» (Укртелефильм), «Черновобиль: хроника трудных недель» (Укркинохроника), «Колокол Чернобыля» (ЦСДФ) и «Черновобиль. Осень 86-го» (Новосибирская студия кинохроники). Первые три фильма имели большой успех, несмотря на то, что их выход на экраны был задержан. Кадры из них послужили основой для репортажей иностранных телекомпаний. Фильм новосибирцев из-за непонятной позиции Госкино СССР до сих пор не дошел до зрителя, хотя, судя по статье в газете «Правда» от 13 июля 1987 года, это — нужная картина.

Много проблем, связанных с возможностью получения информации, встало перед съемочной группой ЦСДФ (режиссер Р. Сергиенко) во время исторического судебного процесса над виновниками аварии на Чернобыльской АЭС.

Интерес к событиям в Чернобыле не ослабевает как в Советском Союзе, так и во всем мире. Учитывая развитие событий, комментарии советских и зарубежных ученых, можно с достаточной долей уверенности прогнозировать «взрыв» интереса весной 1988 года. Многие из побывавших в 30-километровой зоне журналистов, писателей уже прислали заявки на повторные посещения. В настоящее время в зоне снимается документальная картина Центральной студии документальных фильмов под условным названием «Вина» (режиссер Р. Сергиенко), ведутся переговоры об организации съемок киноотделом Информэнерго Минэнерго СССР. На декабрь этого года намечены съемки фильма о Чернобыле совместного производства СССР, США и Японии. Готовятся к публикации несколько книг о черновобильских событиях.

Однако руководители некоторых организаций, призванных обеспечивать общественность достоверной, исчерпывающей информацией, до сих пор не поняли очевидного: недостаток информации приводит к предвзятому отношению в мире, имеет долговременные негативные последствия для престижа нашей страны. Отказ от освещения событий, запрет на посещение объектов, замалчивание и игнорирование фактов порождают слухи и сплетни, вымысел и фантазии «очевидцев». И наоборот. Правильная, планомерная организация работы советских и иностранных работников печати, радио и телевидения в 30-километровой зоне создает благоприятные условия для появления в средствах массовой информации своевременной, объективной и полезной для развития атомной энергетики и всей страны в целом информации. Ведь сегодня самой крупной проблемой, стоящей перед ядерной промышленностью, является проблема общественного восприятия. Об этом пишет и председатель Центрального совета по производству электроэнергии Соединенного Королевства Лорд Маршалл («Бюллетень МАГАТЭ» том 28, № 3, осень 1986 г.): «Эффективное распространение информации [важно для] технических усовершенствований. Авария на Чернобыльской АЭС нанесла ядерной промышленности удар, бросила вызов и дала возможность на него ответить. Впервые общественность проявляет настоящий интерес и стремится понять опасность радиации. Если мы сможем правильно объяснить эту аварию, то я считаю, что ядерная энергия будет признана в конце концов, несмотря на удар, нанесенный ей событиями в Чернобыле».

Начальник отдела информации
и международных связей ПО «Комбинат»

[Підпис] А.П. Коваленко

На документі резолюція С. Нагиби: «т. Ламонов В.В. т. Коротченков В.И. т. Жабченко С.А. Для учета. «Д» передать в отдел по ЧАЭС [Підпис] 25.09.87».

На документі резолюція В. Ламонова: «Тов. Жабченко С.А. Прошу ознакомить [...] т. Коротченкова В.И. и снять к/к, после чего сдать материал в отдел по ЧАЭС. [Підпис] 29.09.87».

На документі резолюція С. Жабченка: «Тов. Мамин А.В. Согласно указания зам нач. отдела. [Підпис] 02.10.87».

На документі відбиток штамп: «УКГБ по гор. Киеву и Киевской обл. СЕКРЕТАРИАТ Вх. № 20393 «24».09.1987 г.».

*ГДА СБУ. — Ф. 11. — Спр. 1478. — Т. 21. — Арк. 2–35.
Оригінал. Машинопис на бланку.*